

DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-53-74

УДК 910.4(091)

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет
им. пер. Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1110-0501
E-mail: catullus89@mail.ru

Португальская Малакка глазами венецианского купца XVI века

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена представлениям о португальской Малакке как колониальном городе в отчете венецианского купца и путешественника второй половины XVI в. Чезаре Федеричи (Cesare dei Federici, 1521–1601; путешествовал по Востоку в 1563–1581 гг.). Его «Путешествие в Восточную Индию и за пределы Индии» (1587) представляет собой обширное маршрутное описание стран Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. В статье рассматриваются, в частности, акценты, сделанные при описании города. Малакка виделась купцу средоточием «бесчисленных товаров», Федеричи подробно описал ее торговые связи и организацию дальних плаваний колониальной администрацией во главе с капитаном (комендантом) крепости Малакки. Купец Светлейшей отмечал громадное торговое значение Малакки и ревностный контроль португальцев над торговыми путями. В отчете также отражены представления о постоянной военной угрозе португальскому владычеству в Малакке со стороны могущественного и богатого мусульманского султаната Аче (Assi) на Суматре, «злейшего врага португальцев», из-за приближения флота которого автору отчета однажды пришлось спешно покинуть город. Малакка стала крайним восточным пунктом путешествия Федеричи, и в ее описание в отчете купца оказались включены краткие, но примечательные сведения о Китае и Японии. В отчете Федеричи описание колониального города было большей частью замещено описанием торговых путей и ценных товаров (это главным образом различные пряности, в том числе мускатный орех и мускатный цвет), а определяющей в образе Малакки, который предстает перед читателем в сочинении путешественника, была посредническая, торговая функция.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чезаре Федеричи, Малакка, Нусантара, история Малайзии, Венецианская республика, путешествия раннего Нового времени, империя Мин, Португальская колониальная империя

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Возчиков Д. В. Португальская Малакка глазами венецианского купца XVI века. *Этнография*. 2021. 3 (13): 53–74. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-53-74

D. Vozchikov

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1110-0501
E-mail: catullus89@mail.ru

Portuguese Malacca as Seen by 16th Century Venetian Merchant

ABSTRACT. The article deals with the perceptions of an important colonial city, the Portuguese Malacca, in the itinerary written by the Venetian merchant and traveler Cesare Federici (Cesare dei Federici, 1521–1601, traveled in Asia in 1563–1581). Federici’s *Voyage to the East India and beyond India* (1587) is a vast description of the states of the Middle East, South Asia and Southeast Asia. The article discusses different aspects of his description of Malacca. From Federici’s point of view, Malacca concentrated “innumerable merchandise” from the whole world. Federici described its trade ties and organization of trade navigations by the colonial administration headed by the Captain of the Fortress. The merchant from the “Serenissima” emphasized the immense trade importance of Malacca and the zealous attempts of the Portuguese to control the trade routes. His report of Malacca is also marked by an impression of the constant military threat from the mighty and rich Muslim Sultanate of Acheh in Sumatra, “the worst enemy of the Portuguese”. Because of an offensive by the Acheh fleet, Federici had once to flee from Malacca in a rush. Malacca was the easternmost point of Federici’s voyage. In his description of the city, he also included brief information about China and Japan. In Federici’s account, the description of the colonial Malacca itself is mostly replaced by the description of trade routes and valuable goods (mainly spices, including mace and nutmeg). The mediatory role of Malacca thus determined its image in the Venetian’s report.

KEY WORDS: Cesare Federici, Malacca, Nusantara, history of Malaysia, Republic of Venice, early modern voyages, Ming empire, Portuguese colonial empire

FOR CITATION: Vozchikov D. Portuguese Malacca as Seen by 16th Century Venetian Merchant. *Etnografia*. 2021. 3 (13): 53–74. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-53-74 (In Russ.).

Малакка, расположенная почти на стыке акваторий Индийского и Тихого океанов, а также в точке соприкосновения ареалов мусульманской, индо-буддийской и китайской цивилизаций, завоеванная в 1511 г. португальцами и превращенная в их главный опорный пункт в Юго-Восточной Азии, ко второй половине XVI в. при новых властителях продолжала оставаться кипучим полиэтническим городом, одним из наиболее значимых торговых и военно-политических центров региона. Она выполняла функцию важнейшего звена португальской торговли на пути в Китай и Японию. Фернан Бродель отмечал, что именно Малакка, будучи до португальского завоевания столицей богатого Малаккского султаната, сыграла решающую роль в становлении супермир-экономики Дальнего Востока с центром в Нусантаре: «Вероятно, супермир-экономика с центром в Индонезии существовал начиная с раннего возвышения Малакки, стало быть, с 1403 г., даты основания города, либо с 1409 г., даты его внезапного появления, и до взятия города Афонсу д'Албукерки 10 августа 1511 г.» (Бродель 1992, т. 3: 540). Под властью португальской короны Малакка оставалась вплоть до ее захвата голландцами в 1641 г., после чего начался упадок экономики города.

Настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть через призму одновременно антропологии города и антропологии путешествия образ португальской Малакки в одном европейском источнике раннего Нового времени — в сочинении венецианского купца Чезаре Федеричи (также — Чезаре деи Федричи, 1521–1601) (Tucci 1995) с длинным и завлекающим читателя, по традиции той эпохи, названием «Путешествие мессера Чезаре деи Федричи в Восточную Индию и за пределы Индии, в коем содержатся занимательные явления обрядов и обычаев тех стран, а также описываются пряности, снадобья, драгоценные камни и жемчуга, что из них вывозятся; с некоторыми полезнейшими предупреждениями тем, кто бы пожелал совершить такое путешествие» (“Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell’India Orientale & oltra l’India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi, Et insieme si descriveno le spetiarie, droghe, gioie et perle che d’essi si cavano. Con alcuni avvertimenti utilissimi a quelli che tal viaggio volessero fare”) (Federici 1587). Рассказ о путешествии по Ближнему Востоку, Южной и Юго-Восточной Азии этого любознательного, наблюдательного и не всегда удачливого купца из Венецианской республики, совершенном в эпоху трансокеанских колониальных империй, среди которых Светлейшей синьории уже не нашлось места, представляет значительный интерес как отражение взгляда на мир европейского путешественника, не только пытавшегося приумножить денежные средства, но и искренне желавшего увидеть страны, еще недавно представлявшиеся европейцам в основном средоточием «чудес Индии», фантастических явлений и баснословных богатств. Мотивы путешественника, побуждающие его странствовать дальше,

могли меняться и варьироваться в ходе затянувшегося пребывания странствующего субъекта в иных краях. Как подчеркивает А. В. Головнёв, «путешествие — это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преобразований, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях» (Головнёв 2016: 15). Для исследования крупного колониального города Нусантары Нового времени, его специфической гетерогенной среды, торговых связей и административной системы огромное значение имеют различные свидетельства очевидцев, представлявших, в свою очередь, разные культуры, сообщества и социальные среды.

Речь, разумеется, идет не только о сообщениях представителей держав-метрополий, которым зачастую присуща явная политическая ангажированность. Верифицировать многочисленные источники, созданные метрополиями и для метрополий, а также зафиксировать малопримечательные для современников детали городской жизни позволяют отчеты наблюдателей «со стороны». В частности, множество уникальных деталей повседневной жизни колониальной Батавии были запечатлены в сочинении «Гэлаба цзи люэ» («Краткий очерк о Келапе») цинского автора Чэн Сюньво, находившегося на Яве в 1729–1736 гг. (Lombard-Salmon 1972). Чэн Сюньво упоминал, наряду с суровыми наказаниями и обременительными налогами в колонии, такие детали, как воскресные забавы в парках среди плантаций богатых голландцев или меню на приемах в голландских домах, а также некоторые особенности восприятия голландцами китайцев (Lombard-Salmon 1972: 297–298, 301, 310). Многие подробности повседневности высшего света Батавии уже первой половины XIX в., на которые как на сугубо обыденные вещи вряд ли обратил бы внимание европеец, а также особенности взаимоотношений голландской администрации с правителями Джохора нашли отражение в хронике «Тухфат ан-Нафис» («Драгоценный дар», ок. 1866 г.) малайского интеллектуала Раджи Али Хаджи (1809–1872), который включил в этот труд рассказ о посещении Батавии в 1822 г. джохорской делегацией, в составе которой находился сам автор в юном возрасте (Денисова 2019).

Если самый ранний из описавших Малакку европейских путешественников, Людовико де Вартема, странствовавший по Востоку в 1502–1507 гг., застал ее еще столицей султаната, то старейшим европейским нарративным источником по Малакке с момента захвата португальцами, при этом созданным по большей части в самой же Малакке вскоре после завоевания, стал обширный труд «Сумма [представлений о] Востоке, в которой рассказано о [землях] от Красного моря до Китая» (1515) португальского аптекаря Томе Пиреша, который провел в Малакке два года и семь месяцев, а затем возглавил неудавшееся португальское посольство в империю Мин (Новакова и др. 2017: 7; *The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944). С середины XVI в. в Португалии составлялись официальные

историописательские труды колониальных администраторов и придворных хронистов, посвященные португальским завоеваниям в Азии, включая захват Малакки. Это сочинения Гаспара Коррейя, Браза де Албукерки, Фернандо де Каштаньеды, Жуана ди Барруша и других авторов (Новакова и др. 2017: 8). Для детализации городской повседневности Малакки в это время и представлений европейцев XVI в. о португальской Малакке и ее непростых взаимоотношениях с соседями большое значение имеют нарративные источники, созданные западными авторами-непортугальцами, которые не ставили задач прославления португальских «оружия и мужей» и выступали в определенном смысле сторонними наблюдателями. Одним из них и был Чезаре Федеричи.

С точки зрения Энтони Кинга, специалиста по феномену колониальной урбанизации (преимущественно на примере Британской Индии), важной чертой мировоззрения «третьей колониальной культуры» (*colonial third culture*) — третьей по отношению к колонизаторам и колонизируемым культуры, переносимой из метрополии в колонию и поддерживаемой на новом месте, — являлся дуализм:

Для представителей третьей колониальной культуры по определению существуют две референтные группы: первая — его по отношению к Другому метрополии, вторая — его относительно туземного Другого. Это то, что подразумевается под термином «двойная бинарная структура», которая является основой когнитивной схемы представителей третьей культуры. Таким образом, с точки зрения представителя этой культуры, этот дуализм, или бинарная структура, имел фундаментальное значение для его ориентации в мире; он был или дома, или в Индии (или за границей), товары были из Европы или же из провинции, мир был населен европейцами и туземцами, акторами в мире были или черные, или белые (в случае смешения это были метисы, евразийцы, в конце концов, англо-индийцы, и все эти конструкции — бинарные). Дуалистическая ориентация, требуемая самой идеей колониализма, согласно которой представители третьей культуры находились на территории принимающей культуры, но не являлись частью той культуры, распространялась также на другие сферы (King 1974: 88).

Данная схема при всей своей наглядности выглядит местами упрощенной, поскольку не вполне учитывает разнообразие акторов и сообществ по обе стороны воображаемой линии, разделяющей жителей колоний и метрополий в Новое время. Можно сказать, что Федеричи, искусственный в восточной торговле купец из Венецианской республики, представитель старой и медленно клонившейся к закату колониальной империи Запада, оказавшись в Малакке, подвластной новой европейской колониальной державе — Португалии, находился в положении наблюдателя относительно одновременно европейского Другого (португальцев)

и неевропейского Другого (народов Нусантары). Не следует недооценивать то, в какой мере венецианцы в позднее Средневековье и раннее Новое время стремились подчеркнуть собственную уникальность и совершенство своего государства среди прочих народов христианского мира. Ярким образцом венецианской политической мысли эпохи Чинквеченто и одновременно эффективной пропаганды венецианского мифа был труд политического и церковного деятеля Гаспаро Контарини (1483–1542) «О магистратах и устройстве Венецианской республики». Контарини писал о Венеции:

Некоторые дивились грандиозности ее владений, которые далеко простираются по воде и по суше; однако многие люди наиболее искушенного и острого ума превыше всего ценили необычность ее местоположения, столь удобного, что оно кажется избранным бессмертными богами, а не людьми, почему град Венеция и превосходит все прочие, где и когда-либо существовавшие вплоть до нашего времени (Контарини 2013: 50).

Венецианский миф как представление о неповторимости и превосходстве венецианской политической модели бытовал и в среде венецианского купечества. В отчете о путешествии по Азии современника и соотечественника Чезаре Федеричи, тоже оставившего описание Малакки, ювелира Гаспаро Бальби, содержится любопытный эпизод его аудиенции у бирманского короля Нандабайина (1581–1599) в 1583 г. К тому моменту Португалия уже находилась в личной унии с Испанией под властью Филиппа II. По словам ювелира, «король Пегу» спросил его, какому же королю подвластна его родина — Венеция. Венецианец сообщил: «И я ему сказал, что она находится в королевстве Италия (Regno d'Italia) и управляется как республика, неподвластная ни одному королю. Услышав это, упомянутый король был весьма изумлен, и начал так смеяться, что его схватил кашель или болезненное харканье, что причинило ему большую боль при разговоре с его вельможами» (Balbi 1590: 103). Комментируя этот эпизод, американский венециевед Р. Финли иронично заметил: «Поскольку республики были неизвестны в Азии и необычны для Европы, это явно был не первый случай, когда Бальби встретил столь недоверчивый смех» (Finlay 1999: 931). Кроме того, Светлейшая в XVI в. оставалась сильным конкурентом Португалии в торговле восточными пряностями (Хазанов 2003: 243), и недоверие португальских колониальных чиновников к венецианскому гостю было вполне объяснимо. Словом, если португальцы — и в Европе, и в своих колониях — представляли для венецианца XVI в. культурную «инаковость» внутри единой цивилизации, то народы Нусантары и китайцы — цивилизационную.

Сведения о биографии путешественника и купца Чезаре Федеричи скудны. Федеричи, сын Джироламо, был уроженцем Эрбано

(ныне — Эрбанно) в Валь-Камонике, которая была аннексирована Венецианской республикой в 1427 г. К моменту начала странствий по Востоку он явно имел определенный торговый опыт (*Viaggi di C. Federici...* 1962: XXII). В 1563 г. Федеричи, будучи уже зрелым человеком, вложил в разные товары 1 200 дукатов и, по собственному признанию, «охваченный желанием увидеть страны Леванта» (*Federici* 1587: 1), отбыл на корабле «Граденига» из Венеции на венецианский Кипр, откуда затем отправился в Триполи в османской Сирии (в наши дни — Ливан), а после болезни с небольшим капиталом поехал в Индию (*Tucci* 1995). Сам Федеричи подчеркивал, что начал путешествие очень бедным для такого предприятия человеком (*Federici* 1587: 168). Основным мотивом путешествия купца, скорее всего, было получение прибыли, которую сулило участие в восточной торговле, однако, судя по подробному описанию им многих деталей повседневности стран Востока, любознательность действительно не оставляла купца. Восемнадцать лет (1563–1581) он провел в разных странах Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Отчет о его торговых поездках и приключениях «Путешествие мессера Чезаре деи Федеричи в Восточную Индию и за пределы Индии...» был опубликован в Венеции в 1587 г. Редактором воспоминаний Федеричи о его недавнем странствии выступил брат Бартоломео Диониджи да Фано по просьбе самого путешественника, но его вмешательство в формирование окончательного текста книги, по-видимому, было довольно ограниченным и сводилось, скорее всего, к ряду морализаторских пассажей, включая рассуждение о долге честного купца (в конце сочинения), и изъятию из текста ряда «непристойных» моментов (*Rubiés* 2000: 306). В жанровом отношении получившаяся книга сочетала рассказ о путешествии и географический очерк, равновесие между которыми, впрочем, не всегда удавалось соблюдать на протяжении текста (*Tucci* 1995). Труд Федеричи быстро завоевал известность в самой Светлейшей и за ее пределами. В Англии уже в 1588 г. вышел перевод травелога венецианца, выполненный Томасом Хикоком (*Das* 2016: 122). Вскоре Ричардом Хаклюйтом во втором издании его «Главных плаваний, путешествий и открытий английской нации» (1598–1600) был опубликован отчет лондонского купца и участника дипломатической миссии королевы Елизаветы I к падишаху Акбару (1556–1605) Ральфа Фитча о его путешествии по Южной и Юго-Восточной Азии. Этот отчет содержал множество заимствований из отчета Федеричи, в первую очередь в своих маршрутных описаниях (*Fitch Ralph* 1921: 8). Правда, описание Малакки в нем значительно отличалось от свидетельства Федеричи по своим основным акцентам. В Венеции в 1590 г. была опубликована книга Гаспаро Бальби «Путешествие в Восточные Индии» (*Balbi* 1590), также побывавшего в ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии. Труд Бальби содержал множество оригинальных подробностей, однако в ряде мест изобиловал фрагментами, взятыми

из сочинения Федеричи, с минимальными изменениями — преимущественно в разделах, посвященных Ближнему Востоку и Южной Азии. По словам Я. Шарпантье, Бальби «обобрал своего предшественника самым бесстыдным образом» (Charpentier 1920: 157). Современная историография в целом отошла от категорических оценок заимствований в травелогах раннего Нового времени как плагиата. В частности, Х.-П. Рубьес полагает, что причина распространенного копирования *post factum* чужих сведений даже бывальыми путешественниками, вроде Бальби и Фитча, в чьем пребывании в описанных ими странах нет сомнений, лежала в целеполагании жанра купеческого маршрутного описания: совпадение сведений подтверждало для современников достоверность отчетов, целью которых было донесение подлинных сведений, а не создание оригинального сочинения (Rubiés 2000: 105).

Несмотря на сравнительно широкую известность отчета Федеричи, исследований, посвященных ему, немного, вероятно, в силу того, что его сочинение фактически находится в тени португальских источников по Южной и Юго-Восточной Азии. Критическое издание травелогов Федеричи и Бальби под редакцией Ольги Пинто, снабженное подробными примечаниями и комментариями, вышло в 1962 г. (*Viaggi di C. Federici... 1962*). Х.-П. Рубьес, отдельно исследуя рассказ Федеричи о жестоком поражении империи Виджаянагар при Таликоте в 1565 г. и сопоставляя его труд со свидетельствами других европейцев о Южной Азии, отмечает большую ценность сообщений венецианца, преимущественно отражающих точку зрения многих подданных этого государства, а также утверждает, что отчет Федеричи в тех своих частях, где автор давал экскурсии в недавнее прошлое посещенных стран и городов, был проникнут идеей историчности и изменчивости мира (Rubiés 2000: 304–306). Малаккская же часть путешествия Федеричи, как и проблема восприятия им колониального города, в целом остается историографической лакуной.

Отчет Федеричи отличается наглядным и ясным стилем изложения. В соответствии с традиционной для западной описательной географии схемой Федеричи делил жителей Востока по религиозному принципу на «мавров» (*Mogì*, стандартное наименование для мусульман) и «язычников» (*Gentili*) — последователей всех неавраамических религий, включая индуистов, буддистов и даосов. Вероучения и индуизма, и буддизма, и ислама, по-видимому, венецианца не интересовали.

В Малакке Чезаре Федеричи бывал как минимум дважды. Несмотря на то что свой маршрут Федеричи описал достаточно подробно, из текста не всегда понятно точное время его пребывания в том или ином пункте и то, к какому из пребываний в определенном месте, если купец посетил его несколько раз, относилось то или иное свидетельство (*Viaggi di C. Federici... 1962: XXIV*). В первый раз купец отправился в Малакку в конце 1566 г. после пребывания во владениях империи Виджаянагар

из португальского Гоа на галеоне португальского короля, который следовал на острова Банда за мускатным цветом и орехом (Federici 1587: 75). Первое пребывание Федеричи в Малакке закончилось его отъездом на корабле в португальский же порт Сан-Томе (ныне — Ченнаи, Индия), правда, тогда судно после долгих блужданий по воле ветра добралось до Ориссы. Во второй раз венецианец прибыл в Малакку из Коччи, а уже из Малакки отправился во владения бирманского короля («короля Пегу»), но об этой остановке в Малакке он сообщил без подробностей (Federici 1587: 93). Далее Малакки на восток Федеричи не имел возможности поехать, не являясь португальским подданным, поэтому краткие и обрывочные сведения о Китае и Японии оказались привязаны в его отчете также к Малакке. Описанию Малакки в отчете купца предшествовало сжатое описание Суматры со справкой о наиболее опасном противнике португальцев в Юго-Восточной Азии — султанате Аче. При этом Федеричи давал ошибочные сведения о проливах, якобы пересекающих остров (Viaggi di S. Federici... 1962: 273). Раздел отчета под названием «Суматра» очень краток, и здесь его перевод приводится полностью:

Остров Суматра — большой остров, и управляется он множеством королей. Он разделен многими проливами, которые через него проходят. На мысе к западу находится королевство короля Асси (il Regno del Re d'Assi), короля мавританского и очень могущественного, который обладает, помимо своего большого королевства, также многими фустами и галерами (fuste e galee¹). Произрастает в его королевстве множество перца (peuere), имбиря (Zenzero) и стиракса (Belzuin). Он — злейший враг португальцев, и он несколько раз был у Малакки, чтобы дать им бой, он нанес ей большой урон в предместьях, но всегда город доблестно оборонялся и также нанес его войску большой урон с помощью артиллерии. Я прибыл, наконец, в город Малакку (Federici 1587: 77).

Далее Федеричи описывал саму Малакку в одноименном разделе. Торговля для путешественника целиком определяла и облик, и значение города:

Малакка — величайшая пристань для бесчисленных товаров, приходящих из разных стран, поскольку все большие и малые корабли, плывущие по этим морям, вынуждены останавливаться в Малакке, чтобы заплатить пошлину, даже если они не выгружают никаких вещей. И если более ночи они провели без захода в порт, чтобы избежать уплаты упомянутой пошлины, то попадают затем под наказание в виде уплаты в Индии двойной

¹ Вслед за С. П. Карповым (1981: 24) мы используем термин «галера» для военных кораблей и «галей» — для торговых.

пошлины. Я не пробирался далее на восток за Малакку, но то, о чем я буду говорить касательно этих стран, почерпнуто из достоверных сведений от тех, кто там побывал. Плавание из Малакки туда не имеет общих условий для всех <...>, но подконтрольно лишь королю Португалии, оно или доступно его дворянам, которые получают дозволение от короля на такие путешествия, или попадает под юрисдикцию капитана Малакки, которому также необходимо знать, что за поездки совершаются в эти страны из Малакки. А королевские экспедиции таковы: каждый год из Малакки отправляются два галеона — один на Молукки (*le Malucche*), чтобы загрузить гвоздику (*Garofoli*), другой — на Банда (*Banda*) для загрузки мускатного цвета и мускатного ореха (*a carcare di Macis e di Noci muschiate*) (*Federici* 1587: 78–79).

По свидетельству Федеричи, эти два галеона, укомплектованные матросами и солдатами, не брали на борт никаких частных вещей, и доступ на них был строго закрыт для купцов, никого из торговцев капитан галеона не пустил бы в плавание на Молуккские острова (1587: 79).

Далее Федеричи продолжает описание торговых маршрутов:

Туда [по контексту не вполне понятно, идет ли в этом случае речь о Молуккских островах или же все-таки о Малакке, где, в отличие от первых, Федеричи побывал. — *Д. В.*] идут небольшие корабли мавров, которые приходят с побережья Явы, чтобы сбыть товар в королевстве Асси, а товар этот — гвоздика, мускатный цвет и орехи, которые затем приходят в пролив у Мекки. Пожалованные королем Португалии своим дворянам экспедиции включают путешествия в Китай (*China*), из Китая в Японию (*Giapan*) и обратно из Японии в Китай, из Китая в Индию, а также путешествия из Бенгалии на Сунду (*Sonda*), с грузом тонких тканей и хлопковых тканей (*bombaso*) любого сорта.

А Сунда — это остров мавров неподалеку от побережья Явы, где загружают перец для отправки в Китай. Корабль, который ежегодно следует из Индии в Китай, называется корабль снадобий (*la nave delle droghe*), поскольку он везет различные наркотические средства из Камбея, но главным образом серебро (*Federici* 1587: 80).

Сунда — гористая западная часть Явы, но в отчете Федеричи воспроизводится ошибка, характерная для картографических трудов до XVIII в., согласно которым Сунда — это отдельный остров (*Viaggi di C. Federici... 1962: 474*). Скорее всего, здесь сказалась зависимость Федеричи от его картографических источников. Однако за полвека до путешествия Федеричи в Малакку блестяще информированный Томе Пиреш именвал активно торговавшее с Малаккой индуистское королевство Сунда

(Çumda, Cumda) родиной «рыцарственных воинов на море» (The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol. 1: 167; vol. 2: 413) и подчеркивал: «... язык Сунды — не такой, как у Явы, а у Явы — не как у Сунды, хотя это просто один остров, который разделен рекой Чи Манук. Он очень узок местами, но земля соединяется в единый остров, и у него есть указанное разделение, его перерезающее и проходящее через него так, что делит надвое, но всякий, кто был в стране, может это увидеть, ведь местами ветви крайних деревьев соприкасаются друг с другом» (The Suma Oriental of Tomé Pires ... 1944, vol. 1: 168; vol. 2: 413). Камбей, бывший главный порт Гуджаратского султаната (Regno di Cambaia), территория которого во времена путешествия венецианца (в 1573 г.) вошла в состав империи Великих Моголов при Акбаре, в отчете Федеричи описан как один из важнейших и красивейших портовых городов Индии и одновременно главный центр торговли самыми разнообразными тканями, а также опиумом (Federici 1587: 18). Именно гуджаратцы были наиболее активными торговцами в акватории Индийского океана, продавая в основном высококачественные ткани, а объем гуджаратской торговли составлял в это время, по-видимому, около 40% всей торговли внутри Индийского океана (Хазанов 2003: 234–235).

Далее Федеричи сразу переходил к справке о Китае. Несмотря на свою краткость и на то, что сам автор в империи Мин не побывал, она заслуживает особого внимания.

От Малакки до Китая — 1800 миль <...>. От Китая до Японии — 2400 миль. Есть много не слишком крупных островов, на которых милостью Божией Отцы Св. Павла (Padri di S. Paolo) многих людей делают добрыми христианами. То, что от них и далее, пока не было открыто из-за больших отмелей, которые там находятся. Португальцы основали маленький городок на острове близ побережья Китая под названием Макао (Machao), в коем церкви и дома из дерева и имеется епископская кафедра. Однако пошлины принадлежат королю Китая (Re della China), и платить их они отправляются в Кантон — город красивейший и имеющий огромное значение, который расположен от Макао на два с половиной дня пути. Здешние язычники (Gentili) столь ревнивы и робки, что не желают, чтобы какой-либо чужеземец приезжал в страну, и когда едут португальцы, дабы заплатить пошлины и закупить товары, то не соглашаются, чтобы те спали в городе, но отправляют их в предместья.

Страна Китай — это Великая Тартария и это величайшая страна язычников, имеющая огромную важность, как можно судить по тем многочисленным и ценным товарам, которые из нее происходят, и я не верю, что во всем мире найдутся такого же количества и качества вещи, как эти. Во-первых, это большое обилие золота, которое привозится в Индию в слитках — кусочках в форме лодочек (in pani a guisa di nauicelle), пробой в 23 карата,

громчайшее количество прекрасного шелка, дамасских тканей и тафты, огромное количество мускуса, много меди в слитках, много лагуни в длинных слитках, большое количество ртути (*argento vivo*) и киновари (*Senaprio*), обилие камфоры, бесчисленное множество фарфоровых сосудов (*porcellane*) различных форм, большое количество раскрашенных тканей и клетчатых, бесконечное количество смилакса (*Radici di Cina*). <...> Ревень (*Reubarbaro*) прибывает к нам сухопутным путем через Персию, за ревенем и идет каждый год большой караван из Персии в Китай, путь которого занимает шесть месяцев и который прибывает в город Ланкин (*Lanchin*), город, где находится король со своим двором (*Re con la sua corte*). Я говорил с одним персом, который мне рассказал, что три года пробыл в этом городе и что это большой город огромного значения (*Federici 1587: 80–83*).

Для венецианца причины, по которым португальцы, включая администрацию Малакки, столь ревностно оберегали свой контроль над путями в Восточную Азию, были вполне очевидны. Китай бесспорно представлялся Федеричи самым богатым государством Азии (каковым Великая Мин в действительности и была), откуда происходили многочисленные и высококачественные товары, как ремесленные изделия, так и лекарственные снадобья, вроде ревеня, континентальная торговля которым в ту эпоху переживала расцвет. Ланкин — типичная для португальских источников форма (*Viaggi di S. Federici... 1962: 274*) названия Нанкина, первой столицы империи Мин. Хотя столица империи Мин в 1421 г. была перенесена императором Чжу Ди (девиз правления Юнлэ) в Пекин, Нанкин все же сохранял высокий статус второй столицы империи, в которой функционировал ряд государственных ведомств (*История Китая с древнейших времен... 2016: 388*). Скорее всего, с персидским купцом (вероятно, подданным Сефевидского государства) Федеричи беседовал именно в Малакке.

Китайский император именовался в отчете «королем Китая». Из властителей Азии императором — как «император Сиона» (*l'Imperator di Sion*) — именовался в рассказе венецианца только король Аютии (*Federici 1587: 85*) применительно к периоду до бирманского завоевания, что несомненно воспроизводило устоявшуюся португальскую номенклатуру воображаемых титулов Востока. Знаменитый португальский интеллектуал и историк Жуан ди Барруш (1496–1570) в «Декадах Азии» (третья декада, 1563), поведав о посольстве Дуарте Коэльо к королю Аютии Раматибоди II в 1518 г., подчеркивал: «В тех частях Азии, что мы обнаружили, есть три языческих государя, с которым у нас поддерживаются общение и дружеские связи и которых мы можем величать императорами всех языческих стран восточных (*Imperadores de toda a gentelidade oriental*), находящихся на материке, ведь им подвластны многие королевства и державы...» (*João de Barros 1563: 36*). Ди Барруш, проводя

аналогию между крупнейшими, по его данным, «языческими» монархиями Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии с императором Священной Римской империи в Европе — единственным на тот момент императором в западном мире, — перечислил этих государей: король Китая (Rey da China), король Сиам (Rey de Siam) и король Виджаянагара (Rey de Bisnága) (João de Barros 1563: 36). В рамках этой классификационной системы фактически каждый из трех крупных регионов (Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Южная Азия) получал «своего» императора, а сам титул императора оказывался «приложением» к королевскому.

Примечательно упоминание миссионеров, хотя и без точного указания региона, в одном контексте с Японией. О. Пинто полагала, что речь в этом пассаже Федеричи шла о миссии иезуитов (именно они имелись в виду во фразе об «Отцах Св. Павла», так их называли в Индии; главным центром подготовки этих миссионеров стала коллегия Св. Павла в Гоа) в Японии, начавшейся с прибытия Франциска Ксаверия в 1549 г. в Кагосиму на Кюсю (Viaggi di C. Federici 1962: 266, 274). В пользу такой версии свидетельствует и то обстоятельство, что именно в Малакке долго служивший там Ксаверий познакомился с тремя японцами (один из них — белгий самурай Анзди́ро/Ядзи́ро), которые стали его основными информаторами о Японии и вскоре приняли крещение в Гоа, а также именно из Малакки миссионер отправился на Кюсю (см.: Китагава 2005: 190). Однако можно также предположить, что под этими островами в отчете Федеричи подразумевались Филиппины, в районе которых действительно много крупных отмелей и рифов. Иезуитская миссия на Филиппинах началась значительно позже, чем в Японии, уже после завоеваний Мигеля Лопеса де Легаспи. В 1581 г. вместе с первым назначенным на испанские Филиппины архиепископом, доминиканцем Доминго де Саласаром, прибыли также двое иезуитов, Антонио Седеньо и Алонсо Санчес, взявшиеся за миссионерскую деятельность, при этом, согласно «Событиям на островах Филиппинских» (1609) Антонио де Морги, именно эти «истовые иезуиты» особенно преуспели в распространении христианства среди местных жителей (Ульянов 2019: 195–196). Следовательно, Федеричи мог в момент подготовки своего труда с помощью редактора получить некоторые представления о христианизации Филиппин и участии в ней иезуитов. Возможно, впрочем, что сообщения о миссиях иезуитов в Японии и на Филиппинах воспринимались Федеричи в едином ключе. Филиппинцев в Малакке Федеричи не упоминал. Однако еще Пиреш сообщал, что жители Лусона (Luções) прибывали в Малакку, на пути к которой останавливались на Борнео (The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol. 1: 133; vol. 2: 462).

Завершался раздел о Малакке описанием экспедиций, находившихся в ведении капитана (коменданта) Малакки:

Путешествия из Малакки, которые находятся под юрисдикцией капитана крепости (*Capitano della fortezza*), следующие: каждый год он посылает маленькое судно на Тимор за белым сандалом, а весь хороший белый сандал приходит с этого острова. Он также приходит с Челора (*Celor*, Солор? См.: *Viaggi di C. Federici...* 1962: 274), но тот не настолько хорош. Каждый год капитан посылает еще один маленький корабль в Кохинхину за деревом алоэ (*legno d'Aloe*), а дерево алоэ происходит только из этой страны, которая на континенте граничит с королевством Китайским. Я так и не смог разузнать, как это дерево растет, ведь этот народ не позволяет португальцам высаживаться в своей стране, кроме как за водой или деревом, и кохинхинцы доставляют продовольствие и прочие товары на их корабли на маленьких лодочках, так что целая ярмарка (*fiara*) действует прямо на борту корабля, пока корабль не загрузится полностью. Еще один корабль ежегодно отправляется из Малакки в Асион (*Asion*, Сиам, Аютия) за бразильском деревом. Все это — экспедиции капитана крепости Малакки, а когда он не желает их организовывать сам, он продает свою юрисдикцию кому-нибудь другому (*Federici 1587: 83–84*).

Под Кохинхиной, граничащей с Китаем, в данном случае понимался Вьетнам. Остров Тимор был широко известен в Средние века как источник высококачественного сандала. С эпохи империи Сун (960–1279), а возможно, и ранее Тимор был основным поставщиком сандала в Китай (Шефер 1981: 413). В «Чжу фань чжи» («Описании иноземных стран») Чжао Жугуа (1225) утверждалось, что сандал поступал в империю Сун из Нусантары и, в частности, с Тимора, а также встречался во владениях островной империи Шривиджай: «Благовоение тань (сандалового дерева) вывозят из двух стран Шэпо: Даган, Ди'у (о. Тимор). Также встречается и в Саньфоци» (Чжу фань чжи 2018: 186). Для Томе Пиреша именно Тимор был местом, откуда происходил белый сандал:

Между островами Бима и Солор есть широкий пролив, вдоль которого идут к островам сандалового дерева. Все острова далее от Явы зовутся Тимор, ведь «тимор» значит «восточный» на языке этой страны, как если бы они говорили «острова востока». На островах Тимор языческие короли. На этих двух островах огромное количество белого сандала. Он очень дешев, поскольку нет там в лесах другого дерева. Малайские купцы говорят, что Бог сделал Тимор для сандала, Банду — для муската, а Молукки — для гвоздики и что этот товар неизвестен нигде в мире, кроме этих мест. И я весьма усердно расспрашивал, располагают ли они этим товаром где-либо еще, и каждый говорил, что нет (*The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944, vol. 1: 204; vol. 2: 438–439).

В отличие от Пиреша, Федеричи утверждал, что сандал есть не только на Тиморе, но именно тиморский — лучший.

О том, как Федеричи покинул Малакку в первый раз, он сообщал далее в главе, «Сион», хотя в Сиаме, в отличие от Бирмы, венецианец не был. Капитан крепости Малакки, получив извещение, что к Малакке пришел огромный флот султана Аче (Re d'Assi), решил не выдавать лицензию стремящимся уехать из города, но корабль, на котором был Федеричи, все-таки спешно уплыл ночью в Сан-Томе, не взяв необходимых запасов воды (Federici 1587: 85–87). В итоге, поскольку благоприятного ветра долго не было, некоторые пассажиры просто умерли от жажды, но судно все же добралось до ОриССы, значительно севернее пункта назначения (Federici 1587: 86–87). В то время в Аче царствовал султан Алауддин Рияят-шах ал-Кахар (1539–1571), при котором султанат подчинил себе северо-восточную часть Суматры и активно воевал с португальцами за контроль над Малаккским проливом, что Федеричи и отмечал в разделе о Суматре. После успешного посольства в Османскую империю, получив оттуда пушки и пушкарей, Алауддин в 1568 г. вновь осадил Малакку, но португальцы сумели отстоять ее с помощью Джохора (Тюрин 2010: 36). Возможно, эта осада и сопровождавшие ее панические настроения среди находившихся в городе купцов перед лицом грозного врага и нашли отражение в рассказе венецианца.

К малаккской торговле Федеричи не раз обращался и в других главах отчета. Из Чаула, также принадлежавшего Португалии, «во всю Индию, в Малакку, в Португалию, в пролив Мекки, к побережью Мелинди (Melindi, Малинди), в Ормуз», по свидетельству Федеричи, шло множество товаров из Гуджаратского султаната, включая всевозможные хлопковые ткани, индиго (endego), опуим (amfione), хлопок, шелка всех сортов, буру, асафетиду, железо и зерно (Federici 1587: 28; см. также: Viaggi di S. Federici 1962: 242, 246), а из Сан-Томе — разнообразные хлопковые ткани (Federici 1587: 73). Федеричи также упоминал сообщение Малакки с бирманским портом Мартабан (Martauan) и с Брунеем: «Из Малакки в Мартабан, порт Пегу, приходит множество судов, груженных перцем, сандалом, китайским фарфором, камфорой из Брунея (di bruneo) и прочими товарами» (Federici 1587: 128).

Для отчета Федеричи характерно внимание к ходовым товарам и их использованию, в частности к пряностям и иным товарам растительного происхождения. Повсеместно распространенный в Южной и Юго-Восточной Азии бетель виделся путешественнику свидетельством стереотипного сластолюбия жителей «Индий». Вполне возможно, что на уничижительный тон описания этой жвачки повлиял редактор-церковник Диониджи. Венецианец писал о ней:

Из Каннура вывозится <...> большое количество ареки, которая представляет собой плод величиной с мускатный орех. Ее едят во всех тех частях Индии и по ту сторону Индии с листом травы (*herba*), называемой бетель (*Betle*) и напоминающей наш плющ, но тоньше, и едят ее перемешанной с известью, добытой из створок устрицы. И по всей Индии каждый день тратят огромные суммы денег на эту смесь <...>. Ее жевание делает зубы черными, а плевки от него становятся цвета крови. Они говорят, что это хорошо для желудка и для дыхания, но, по моему суждению, ее употребляют скорее для распушенной праздности: поскольку эта трава очень горячая, она придает им больше сил при соитии (Federici 1587: 51–52).

Федеричи отдельно не упоминал бетель в Малакке, однако избежать употребления бетеля при оформлении сделок и в повседневном общении хоть в Камбее, хоть в Малакке купцу едва ли удалось. В его описании бетеля содержались неточности: в действительности один из трех важных ингредиентов жвачки, наряду с ломтиками семян пальмы *Agesa Catechu* и извести, получаемой обычно из раковин, — не трава, а лист перечной лозы *Piper betle* L. (Станюкович 2010: 310). Федеричи видел в бетеле преимущественно афродизиак, что представлялось ему (или скорее — его редактору) предосудительным, и он скептически воспринимал утверждения своих индийских собеседников о полезных свойствах жвачки для дыхания и пищеварения. Бетелю в Южной и Юго-Восточной Азии традиционно действительно приписываются многие полезные свойства, в том числе и свойства афродизиака. О пользе бетеля для здоровья много сообщал в XIV в. Ибн Баттута (Янковская 2015: 37). Суждение Федеричи о бетеле — пример европоцентристского дискурса начала колониальной эпохи. В рамках этого дискурса чернение зубов (специальное и в результате употребления жвачки) и другие модификации тела трактовались как проявления варварства и половой распушенности (Станюкович 2015: 252).

Не все товары-стимуляторы в Азии рассматривались путешественником в этом ключе. Например, опиум (*Anfion*, *Anfione*), в торговле которым Федеричи активно участвовал (Federici 1587: 152–154), таких уничижительных оценок, как бетель, от него не получил. Подлинное восхищение венецианца вызвало пальмовое вино из Тенассерима, способное, по его уверению, вылечить сифилис:

...Город Тенасари (*Tenasari*), который принадлежал по праву королевству Сион (*regno del Sion*) [Сиам, Аютия. — *Д. В.*], расположен на расстоянии двух-трех приливов вглубь суши на берегу большой реки, идущей из королевства Сион. А там, где река впадает в море, находится селение под названием Мерджи (*Mergi*), в порт которой каждый год несколько кораблей нагружаются бразильским деревом (*verzino*), нипой (*nira*), стираксом

(belzuin) и небольшим количеством гвоздики, мускатного цвета и ореха, что приходят из земель Сиона, но главный предмет торговли — это бразильское дерево (verzino), а также нипа, которая представляет собой превосходное вино, которое происходит от цветов дерева, называемого Нипер (Niper). Их жидкость перегоняют, делая из нее прекрасный напиток, светлый, как кристалл, с приятным вкусом и полезный для желудка, и он обладает одним тончайшим достоинством: если некто оказался поражен французской болезнью (mal Francese), то, обильно испив этого напитка, за короткое время излечится (Federici 1587: 94–95).

Далее купец рассказал, что лично знаком с человеком, испытывавшим подобное действие напитка: один из его компаньонов заболел сифилисом в Кочине (Коччи), врачи посоветовали ему поехать в Тенассерим лечиться в сезон молодого вина и пить его так много, как только он сможет. Больной последовал совету, употреблял вино в «нежнейшем» виде (то есть жидкость до перегонки), а вскоре полностью излечился (Federici 1587: 95–96). Пальмовые алкогольные напитки, различные виды которых (в частности, филиппинская туба) в Юго-Восточной Азии изготавливаются из сока, получаемого из соцветий пальмы, мужских и женских, считаются полезными для здоровья (Станюкович 2018: 34).

Сообщения венецианского купца о Малакке отличаются лаконичностью и даже скупостью, в них преобладает информация о торговле, наглядно характеризующая город как важнейший центр транзитной торговли (особенно пряностями), а также как военно-политический центр, в руках капитана (коменданта) которого были сосредоточены многие рычаги контроля над сетями международной торговли в Азии. Само описание венецианцем города фактически растворилось в сообщениях о том, что и откуда приходило в порт, и отражает отношение к Малакке именно как к городу-посреднику. Федеричи явно сетовал на то, что португальцы не собираются пускать никого из потенциальных конкурентов (какими в их глазах были и граждане Республики Св. Марка) далее Малакки на восток. Несмотря на то что материалы Федеричи отличаются очень низкой степенью персонификации сведений о восточных монархах (чаще всего о них сообщался только титул, как в случае с султаном Аче, королями Бирмы и Аютии) и колониальных администраторов, в его отчете содержится уникальная информация личного характера, отражающая прератности путешествия «человека второго плана», вплоть до восприятия вкусов иноземных напитков. Свидетельства Федеричи также во многом были основаны на устных беседах — в основном в среде таких же, как он сам, купцов из разных стран Запада и Востока, формировавших в Малакке и в других эмпориях Южной и Юго-Восточной Азии космополитичную среду, подавляющее большинство представителей которой все же не оставили нарративных памятников после себя. Если для европейских купцов

и путешественников до XV в. включительно эти регионы в той или иной степени оказывались странами «чудес Индии», мифы о которых тоже были по-своему рациональным инструментом описания малоизвестных пространств, то Федеричи, как и близкие ему по времени португальские авторы, изображал уже сугубо реалистичную картину. Колониальная экспансия одновременно расколдовала Индию, какой ее видело воображение средневековой европейской книжности, и создала новые мифы. Португальская сеть опорных пунктов (Гоа, Чаул, Сан-Томе, Малакка и др.) была для венецианского купца стержнем его маршрута и во многом каркасом его повествования. Хватка португальской администрации над торговлей в Индийском океане у Федеричи представала, пожалуй, более жесткой, чем она являлась в действительности. Уход корабля, на котором был венецианец, из малаккского порта в панике из-за угрозы со стороны ачесского флота вопреки распоряжению капитана Малакки имел жестокие последствия для его пассажиров. У купца явно напрашивалась ассоциация Малакки — средоточия мировой морской торговли, посредника между разными странами, хозяйки дотошно регулируемого (в теории!) упорядоченного пространства — с его собственным городом и Республикой. Однако в повествовании Федеричи Малакка, в отличие от Виджаянагара или Пегу, оказывалась в известной мере лишенной собственного облика, ее образ выступал сотканным из множества посреднических ролей в отношении других городов и регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

Головнёв А. В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6–16.

Денисова Т. А. Батавия глазами очевидца. Автобиографические заметки из хроники «Драгоценный дар» // Этнография. 2019. № 1 (3). С. 99–129.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. V: Династии Юань и Мин (1279–1644) / Отв. ред. А. Ш. Кадырбаев, А. А. Бокшанин. М.: Наука, Вост. лит., 2016. 678 с.

Картов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 232 с.

Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2005. 588 с.

Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима; под ред. М. М. Крома и О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 222 с.

Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 5–20.

Станюкович М. В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии // Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании / Отв. ред. М. В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 29–49.

Станюкович М. В. «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика *Arecas Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // Этноботаника. Acta Linguistica Petropolitana. СПб.: Наука, 2010. Т. 6. Ч. 1. С. 306–340.

Станюкович М. В. Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Маклаевский сборник; вып. 5). С. 243–264.

Тюрин В. А. Аче — полития на периферии исламского мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 32–47.

Ульянов М. Ю. Сведения о христианизации Филиппин на рубеже XVI–XVII вв. в труде Антонио де Морги *Sucesos de las Islas Filipinas* («События на островах Филиппинских», 1609 г.) // Христианство и общество в странах Азии: история и современность / Отв. ред. О. В. Новакова; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. М.: Ключ-С, 2019. С. 192–209.

Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М.: РГУ-Университет, 2003. 320 с.

«Чжу фань чжи» («Описание иноземных стран») Чжао Жугуа — важнейший историко-географический источник китайского средневековья / исслед., пер. с китайского, коммент. и прил. М. Ю. Ульянова; науч. ред. Д. В. Деопик. М.: ИВЛ, 2018. 407 с.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.

Янковская А. А. География бетеля в «Путешествии» Ибн Баттуты // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Маклаевский сборник; вып. 5). С. 32–41.

Balbi Gasparo. *Viaggio dell'Indie Orientali*, di Gasparo Balbi, gioielliere Venetiano. Venezia: Camillo Borgominieri, 1590. 298 p.

Barros João de. *Terceira decada da Asia de Ioam de Barros: dos feytos que os portugueses fizeram no descobrimento & conquista dos mares & terras do Oriente*. Lisboa: Por Ioam de Barreira, 1563. 562 p.

Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi // *Geografiska Annaler*. 1920. Vol. 2. Pp. 146–161.

Das N. Richard Hakluyt's Two Indias: Textual sparagmos and Editorial Practices // Richard Hakluyt and Travel Writing in Early Modern Europe / Ed. by D. Carey and C. Jowitt. L.; N. Y.: Routledge, 2016. Pp. 119–128.

Federici C. Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltre l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi. Venezia: Andrea Muschio, 1587. 174 p.

Finlay R. The Immortal Republic: The Myth of Venice during the Italian Wars (1494–1530) // The Sixteenth Century Journal. Vol. 30. № 4. Winter. 1999. Pp. 931–944.

King A. D. The Language of Colonial Urbanization // Sociology. Vol. 8. № 1 (January). 1974. Pp. 81–110.

Fitch Ralph (1583–1591) // Early Travels in India 1583–1619 / Ed. by W. Foster. L.: Oxford University Press, 1921. Pp. 1–47.

Lombard-Salmon C. Un Chinois à Java (1729–1736) // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Tome 59. 1972. Pp. 279–318.

Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 472 p.

The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515 / Transl. from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris and ed. by Armando Cortesão. In 2 Vols. L.: The Hakluyt Society, 1944. xcvi, 578 p.

Tucci U. Federici, Cesare // Dizionario Biografico degli Italiani. 1995. Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 24.02.2020).

Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali / A cura di Olga Pinto. Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. 437 p.

REFERENCES

Braudel F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 3: Vremia mira*. [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 3: the Time of the World]. Moscow: Progress Publ., 1992. (In Russian).

Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi. *Geografiska Annaler*, 1920, vol. 2, pp. 146–161. (In English).

Cortesão A. (ed., transl.). *The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515. Translated from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris and edited by Armando Cortesão*. In 2 Vols. London: The Hakluyt Society, 1944. (In Portuguese).

Das N. Richard Hakluyt's Two Indias: Textual sparagmos and Editorial Practices. *Richard Hakluyt and Travel Writing in Early Modern Europe*. London, New York: Routledge, 2016, pp. 119–128. (In English).

Denisova T. A. [Batavia in the memoirs of an eye-witness: autobiographical notes from the chronicle Tuhfat An-Nafis]. *Etnografiia*, 2019, no. 1 (3), pp. 6–45. (In Russian).

Finlay R. The Immortal Republic: The Myth of Venice during the Italian Wars (1494–1530). *The Sixteenth Century Journal*, 1999, vol. 30, no. 4, pp. 931–944. (In English).

Foster W. (ed.). *Fitch Ralph (1583–1591). Early Travels in India 1583–1619*. Ed. by W. Foster. London, Oxford University Press, 1921, pp. 1–47. (In English).

Golovnev A. V. [Anthropology of Travel: from Imago Mundi to Selfie]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (In Russian).

Kadyrbaev A. Sh., Bokshchanin A. A. (eds). *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 tomakh. Tom V: Dinastii Yuan' i Ming (1279–1644)* [History of China from the Most Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: in 10 vols. Vol. 5: Yuan and Ming Dynasties (1279–1644)]. Moscow: Nauka, Vostochnaia literatura Publ., 2016. (In Russian).

Karpov S. P. *Trapezundskaia imperiia i zapadnoevropeiskie gosudarstva v 13–15 vv.* [Trebizond Empire and states of Western Europe in the 13–15 centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1981. (In Russian).

Khazanov A. M. *Portugaliia i musul'manskii mir (15–16 vv.)* [Portugal and the Muslim World (15th–16th Centuries)]. Moscow: RAU-Universitet Publ., 2003. (In Russian).

King A. D. The Language of Colonial Urbanization. *Sociology*, 1974, vol. 8, no. 1, pp. 81–110. (In English).

Kitagawa J. *Religiia v istorii Iaponii* [Religion in Japanese History]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. (In Russian).

Lombard-Salmon C. [A Chinese in Java (1729–1736)]. *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient* [Bulletin of the French School of Asian Studies], 1972, vol. 59, pp. 279–318. (In French).

Novakova O. V., Simonova-Gudzenko E. K., Ulyanov M. Yu. [The role of the first European scholars and Christian missionaries in distributing modern knowledge in Eastern Asia in the XVI–XVII century (the case of Indonesia, Japan and Vietnam)]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2017, no. 3, pp. 5–20. (In Russian).

Pinto O. (ed.). *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali* [Voyages of C. Federici and G. Balbi to the East Indies]. Rome: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. (In Italian).

Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. (In English).

Schafer E. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan.* [Samarkand Golden Peaches. A Book about Alien Wonders in the Tang Empire]. Moscow: Nauka Publ., 1981. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [“Son of Betel Nut and Betel Leaf”: the Symbolism of Areca Catechu and Piper Betle in Oral Literature and Traditional Culture of the Ifugao and Other Peoples of the Philippines]. *Etnobotanika. Acta Linguistica Petropolitana* [Ethnobotany. Acta Linguistica Petropolitana]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010, vol. 6, part 1, pp. 306–340. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [black and white. betel, teeth blackening and filing, and colonial prejudices]. *Betel', kava, kola, chat. Zhevatel'nye stimulatory v rituale i mifologii narodov mira*

[Betel, Kava, Cola, Chat. Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2015, pp. 243–264. (Maclay Publications; iss. 5). (In Russian).

Stanyukovich M. V. [Coconut cup, bamboo cup. Ethnography and ethnobotany of alcohol in Southeast Asia]. *Muzeinye kollektsii i sovremennaia kul'tura narodov Indonezii, Malaizii, Filippin, Okeanii* [Museum Collections and Contemporary Culture of the Peoples of Indonesia, Malaysia, The Philippines, Oceania]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2018, pp. 29–49. (In Russian).

Tiurin V. A. [Aceh, a polity on the periphery of the Islamic World]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva. Istorii i sovremennost'* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2010, no. 3, pp. 32–47. (In Russian).

Tucci U. Federici, Cesare. *Dizionario Biografico degli Italiani*, 1995, vol. 45. Available at: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed: 24.02.2020). (In Italian).

Ulyanov M. Yu. (ed., transl.). *Zhu fan zhi* ("Opisanie inozemnykh stran") *Zhao Rugua – vazh-neishii istoriko-geograficheskii istochnik kitaiskogo srednevekov'ia* [Zhu fan zhi (A Description of Barbarian Nations) by Zhao Rugua is an important source of the medieval China containing historical and geographical information]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 2018. (In Russian).

Ulyanov M. Yu. [Details of the Christianization of the Philippines between the 16th and 17th Centuries taken from "Sucesos De Las Islas Filipinas" by Antonio de Morga of the Year 1609]. *Khristianstvo i obshchestvo v stranakh Azii: istorii i sovremennost'* [Christianity and asian societies: history and modernity]. Moscow: Kliuch-S Publ., 2019, pp. 192–209. (In Russian).

Yankovskaia A. A. [The geography of betel in "The Journey" of Ibn Battuta]. *St. Betel', kava, kola, chat. Zhevatel'nye stimulatory v rituale i mifologii narodov mira* [Betel, Kava, Cola, Chat. Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2015, pp. 32–41. (Maclay Publications; iss. 5). (In Russian).

Yusim M. A. (transl.), Krom M. M., Kharkhordin O. V. (eds). *Gasparo Contarini. O magistratakh i ustroistve Venetsianskoi respubliki* [Gasparo Contarini. On the Magistrates and the Structure of the Republic of Venice]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2013. (In Russian).

Submitted: 05.04.2021

Accepted: 30.05.2021

Published: 01.10.2021